

9 МАЯ 1964

Москва

Газета №

АМПЛИТУДА ТАЛАНТА

рожденного хл
бороба к земл
пронизывает Л
ванов обра
Линькова в псе
се И. Соболев

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ назад возник на страницах газеты «Советское искусство» спор между известным критиком Д. Тальниковым и одним из корифеев мхатовской сцены М. Тархановым. Спор о природе и границах дарования в ту пору сравнительно еще молодого актера Бориса Ливанова.

Полагая, что Ливанов идет от внешней формы образа, а не от внутреннего психологического содержания его, не от «переживаний», Тальников писал: «У актера есть пределы того, что он может и должен делать на сцене и чего не может и, значит, не должен. Можно заранее сказать, что Ливанов не может играть Ромео или Чацкого; если он будет их играть, он непременно начнет с «формы», сделает их горбатыми, прыщеватыми, с близоруко-прищуренными глазами и т. д. — в стиле того характерного амплуа, которое он может играть, — и пусть лучше не играет он этих ролей».

Каждодневно общаясь с Ливановым в процессе репетиций и спектаклей, Тарханов утверждал обратное: «Жизнь гораздо сложнее, чем это кажется некоторым критикам. Дарование каждого большого актера не укладывается в традиционные рамки амплуа... Ливанов неподражаемо изобретательный и бесконечно темпераментный артист. Его темперамент требует выхода в самых неожиданных направлениях. Я отнюдь не буду удивлен, если когда-нибудь зрительный зал бу-

дет потрясен волнением и заплачет над судьбой Чацкого или Ромео, и эти слезы исторгнет у зрителей «характерный актер» Ливанов. Театру надо рискнуть... Я верю в него, в еще не осуществленные огромные возможности этого замечательного русского актера октябрьского поколения...».

В этом споре правда оказалась на стороне (последующие годы полностью подтвердили это) выдающегося мхатовца, опытного учителя сцены, тонкого знатока актерской природы. И не

создаваемый им образ, Ливанов утрачивает при этом свою художническую индивидуальность, начисто растворяясь в новом повстречавшемся ему человеческом характере? Да ни в коей мере! На всех созданиях артиста самых различных лет лежит печать его таланта, его творческого своеобразия.

Ливановский Кимбаев в мхатовской постановке «Страха» А. Афиногенова явился в начале тридцатых годов одним из самых значительных открытий на сце-

«Хозяин». Перед зрителем возникает характер не только волевой, но и властный, крутой, характер, движимый острыми внутренними противоречиями. Характер человека не просто сильного, но сильного в первую очередь своим незаурядным умом, своей философией жизни. Ливановские слова: «Ты крестьянин — тебе и почет на земле!» — ключ к созданному Ливановым образу со всеми его противоречиями и заблуждениями, с его последующим финальным прозрением!

Однако было бы неверно думать, что эмоциональная насыщенность, яркость актерской палитры присущи только положительным образам артиста. Нет, ими же отмечены и характеры представителей чуждых нам социальных сил, носителей иных нравственных категорий.

В постановке гоголевских «Мертвых душ» Ливанову пришлось дублировать такого крупного мастера сцены, как И. Москвин, в роли Ноздрева. Тогда еще молодой актер, он избегал копирования, предложив свое решение образа — внутренне оправданное и внешне выразительное.

Последние годы отмечены в жизни Ливанова созданием двух образов могучей трагедийной силы — Дмитрия Карамазова в «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского и Егора Булычова в недавней постановке горьковской пьесы. Образы эти пронизаны глубоким гуманистическим подходом актера — нашего современника к человеку, поисками начала добра в людях трудных и крутых судеб.

Нет возможности в рамках газетной статьи рассказать, хотя бы даже и кратко, обо всех наиболее значительных созданиях выдающегося актера — о его Чацком, для которого революционные идеи стали как бы частью всего его существа, о его Соленом — фигуре трагикомической, словно бы на семь замков запечатой от посторонних взглядов личности, и о многих других актерских работах.

А ведь говоря в начале статьи об амплитуде ливановского таланта, я имел в виду и его вторжение в область режиссуры (осуществленная Ливановым постановка «Егора Булычова» свидетельствует о том, что в его лице Художественный театр приобретает режиссера не только глубокого, сильного таланта, но и острого современного взгляда на жизнь и людей, тяготеющего к крупным социальным и философским обобщениям. Я имел в виду и драматургические опыты Ливанова (инсценировка «Братьев Карамазовых» сделана им самим). И многолетние работы актера в области живописи, карикатуры. И его интереснейшие, талантливые выступления в печати по вопросам искусства, в частности, очерки о Вл. И. Немировиче-Данченко...

Возвращаясь к спору между М. Тархановым и Д. Тальниковым (со ссылкой на который начата статья), я думаю, что и сегодня, в дни шестидесятилетия замечательного художника сцены, можно с полным на то основанием повторить тархановские слова и о неожиданных направлениях, в которых требует выхода творческий темперамент Ливанова, и о его еще и сегодня неосуществленных огромных возможностях...

Сделано многое! Жизнь, отданная искусству, красива, мужественна, благополучна! Но сколько еще впереди! И сколько предстоит сделать!..

Юр. ЗУБКОВ.

Народный артист СССР Б. Н. Ливанов.
Фото В. ВИЛЕНКИНА и В. ВОЗНЕСЕНСКОГО.

только потому, что театр и в самом деле рискнул, доверив Ливанову роль Чацкого и дав ему возможность исторгнуть у зрителей слезы, но и потому, что целым рядом последующих своих работ Ливанов блестяще подтвердил и общую характеристику, и смелые прогнозы Тарханова.

Да, творческий темперамент Б. Н. Ливанова действительно требует выхода в самых неожиданных направлениях! И не только в искусстве актера, но и в других областях художественного творчества.

Но сначала и преимущественно о Ливанове надо говорить как об актере. Ибо шестьдесят прожитых им лет непреложно свидетельствуют о том, что пока это — главное его призвание.

Только сопоставьте! Гамсуновский Бондесен («У врат царства») и афиногеновский Кимбаев («Страх»). Гоголевский Ноздрев («Мертвые души») и треневский Швандя («Любовь Яровая»). Грибоедовский Чацкий («Горе от ума») и Соленый из чеховских «Трех сестер». Инженер Забелин из «Кремлевских курантов» Н. Погодина и председатель колхоза Линьков из соболевского «Хозяина». Дмитрий Карамазов в инсценировке романа Достоевского и горьковский Егор Булычов. И каждый раз — не только новая человеческая судьба, но и новый, нередко полярно противоположный соседствующему с ним человеческий характер. И всегда человек своей эпохи, своей страны.

Вот она, подлинная амплитуда актерского таланта! Вот она, реальная вместимость понятия «характерный актер», а Станиславский, как известно, говорил, что каждый актер должен быть характерным. Вот оно, неопровержимое свидетельство преимуществ школы сценического перевоплощения.

Значит ли, однако, что каждый раз полностью — и духовно, и физически — перевоплощаясь в

не нашего театра характера современника, положительного героя наших дней. Кимбаев — казак, и Ливановым был подробно разработан внешний рисунок роли, тщательно передавались черты национального облика этого человека. Политическая и художническая зоркость помогли актеру донести с необычайной четкостью и яркостью основное содержание образа — одержимость Кимбаева наукой, а главное — одержимость идеями Советской власти, открывшей ему дорогу в эту науку; пронизать и насытить образ бьющей через край радостью, светом, чувством социального оптимизма!

Роль Шванди в предвоенном мхатовском спектакле «Любовь Яровая» трактовалась Ливановым в отличие от ее первого исполнителя Степана Кузнецова в знаменитой постановке Малого театра как героическая. Ливановский Швандя был прежде всего человеком борьбы. Революционной борьбы. Ступком отваги, поставленной на службу революции. Человеком глубокой, органической убежденности, не мыслящим себя вне крупных исторических событий.

Крупная человеческая личность и ливановский Забелин в «Кремлевских курантах» Н. Погодина. Не просто опытный, одаренный инженер, а именно крупная человеческая личность, натура незаурядная, полная творческих сил, душевного огня. И эту человеческую крупность зрители ощутили с первого же появления Забелина — Ливанова на сцене.

В известной сцене с Владимиром Ильичем Лениным, открывающим Забелину великую правду революции, перспективу грядущих грандиозных преобразований страны, Ливанов с огромной искренностью и глубокой драматической силой передает то духовное потрясение, которое испытывает в эти минуты его герой.

Вдохновенной любовью при-